

А.Н. Чубинский (Москва)

К ВОПРОСУ О РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ДРЕВКОВОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ОРУЖИЯ. РОГАТИНЫ, КОПЬЯ, СУЛИЦЫ И СОВНИ

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ посвящено в первую очередь историческим наименованиям и классификации древкового оружия. К сожалению, не у всех современных исследователей есть ясное понимание принципиальной разницы между историческими средневековыми названиями оружия, с одной стороны, и терминами, присвоенными историками тем или иным типам оружия в XIX–XX вв., с другой. В качестве примера приведем мнение исследователя начала XX в. В.А. Городцова, который предложил «для практического руководства... “рогатиной” называть копье, перо которого равно или шире диаметра трубки, копьё же с более узким пером оставлять его родовое имя». Как методическая рекомендация для археолога или антиквара это определение, возможно, приемлемо. Но в действительности ли наши предки руководствовались этим правилом, когда давали отдельным образцам древкового оружия наименования копий и рогатин? Наша работа дает отрицательный ответ на этот вопрос.

Ту же неточность допустил классик современного оружейведения А.Н. Кирпичников. С одной стороны, вполне возможно определить сулицу как метательное копье с синонимическим наименованием *дротик*¹, а также называть сулицами небольшие копейные наконечники, находимые при раскопках. Но существенной ошибкой будет мнение о том, что *сулицы*, упоминаемые в средневековых русских письменных источниках, обязательно принадлежат к выявленному исследователем типу. Тем более, что вплоть до сегодняшнего дня в музейных собраниях не выявлен ни один наконечник древкового оружия, для которого было бы точно известно, что во время своего активного использова-

ния он назывался сулицей. Наконец, А.Н. Кирпичников, по сути, не привел ни одного свидетельства из письменных источников, которое могло бы подтвердить использование *сулицы* в качестве дротиков².

В типологии древнерусских копий А.Н. Кирпичников выделил особый вид кавалерийского оружия (тип V), присвоил ему название *пика* и утверждал, что «историю пики в России обычно начинают с XVI в. ... в действительности пики появились на Руси на 6 веков раньше их общепризнанной даты... для X–XI вв. пика была основной формой узколезвийного копьа»³. Не подвергая сомнению выводы крупнейшего знатока русского оружия, отметим, что в реальности наименование *пика* появилось в России не ранее первой половины XVII столетия⁴ и применялось исключительно к вооружению пехотных полков нового строя. В то время как А.Н. Кирпичников при выборе названия для справедливо выявленного им типа оружия, по всей видимости, пользовался аналогией с кавалерийской пикой XIX в. С нашей точки зрения, такое обращение с историческими наименованиями ведет, по меньшей мере, к путанице.

Переходя к основной части нашей работы, начнем рассмотрение вынесенных в заголовок наименований древкового оружия с последнего – *совни*. В известном труде А.В. Висковатова *совня* описана как оружие, которое было похоже на рогатину, только «имело кривую полосу и было с одним лезвием, в виде большого ножа»⁵. В последнем систематизированном обзоре древнего русского вооружения О.В. Двуреченского высказывается мнение о том, что совни существовали с XIII по XVIII в.⁶ Однако в настоящий момент в музеях России не существует ни одного образца средневекового древкового оружия, для которого было бы точно установлено, что он носил название *совня*. Более того, письменные упоминания древнерусского вооружения с таким названием отсутствуют вообще. Единственный раз слово *совни* (во множественном числе) встречается в одной из публикаций I Новгородской летописи, но это является результатом неправильной передачи текста подлинника, в котором фигурирует другое слово: «по-метавше оружия и щиты и сови»⁷. Кроме того, в нескольких списках этой же летописи вместо *сови* употреблено название *сулицы*⁸.

Итак, вопрос о существовании древнерусского вооружения с названием *совня* можно считать закрытым. *Совня* – это авто-

рский термин, введенный А.В. Висковатовым для обозначения вида древкового оружия с ножевидным наконечником, но у нас нет оснований считать, что это название прилагалось к каким-либо образцам древнерусского оружия во времена его активного применения. Вопрос о том, насколько удачен введенный А.В. Висковатовым термин, выходит за рамки нашей работы. Термином *совня* активно пользовался хранитель Оружейной палаты 1860-х гг. Л.П. Яковлев, правда, в другом значении. Испытывая дефицит терминов при описании деталей древкового оружия, Л.П. Яковлев называл совней деталь наконечника – протазана, алебарды знаменного древка – которую в настоящее время мы называем *пером* или *копьем*⁹. Это также был авторский термин Л.П. Яковлева, не имеющий отношения к исторической оружейной лексике. Повторимся: слово *совня* в древнерусских письменных источниках не встречается ни применительно к древковому оружию, ни к навершиям знамен¹⁰.

Единственный вопрос, который должен стоять на повестке дня применительно к термину *совня*, формулируется так: какие именно исторические названия могли использоваться применительно к тем немногочисленным наконечникам, которые в современных музейных собраниях и публикациях оружейников носят название *совня*¹¹.

Сулица сходна с *совней* тем, что в музейных собраниях России нет ни одного предмета, который обоснованно носил бы это название. Но сулицы относительно часто встречаются в письменных источниках. С опорой на эти источники русские историки оружия пытались сформулировать определение этого оружия. Согласно А.В. Висковатову, сулица – это «короткое копьё или дрот с подтоком или без него»¹². Хранитель Оружейной палаты А.Ф. Вельтман писал: «Копья... имели свои подразделения. Широкие, плоские с коротким ротовищем назывались рогатинами, метательные – сулицами»¹³, однако в другой части того же издания 1860 г. он не делал различия между упомянутыми видами древкового оружия: «Рогатины, или в древности сулицы, тяжелые широкие копьё с короткими ратовищами или скепищами, без сомнения, употреблялись при напоре, как нынешние штыки»¹⁴. Последнее мнение А.Ф. Вельтмана сходно с суждением Н.Е. Бранденбурга, который не разделял сулицы и копьё: «Копья или луцы делались граненые, насаживались на древко или

оскепище и назывались также сулицами»¹⁵. Вообще не выделял сулицу как разновидность древкового оружия Э.Э. Ленц¹⁶. Но в известном словаре русского оружия начала XX в. сулица определялась уже однозначно как «короткое метательное копье»¹⁷. Этого же негибкого определения придерживались практически все отечественные оружейеды XX–XXI вв. за исключением, пожалуй, В.А. Городцова¹⁸.

Считается, что наиболее раннее упоминание сулиц содержится в «Слове о полку Игореве». Однако *сулица* в значении копьа – слово из праславянского лексикона¹⁹, изначально существующее во многих славянских языках. Его относительно поздняя письменная фиксация не должна вводить в заблуждение касательно времени появления этого оружия. Две цитаты «Слова о полку Игореве» заставляют усомниться в том, что сулица являлась метательным оружием. В одной из них мы имеем риторически заостренную реплику, обращенную одним русским князем к другим: «Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты?»²⁰. Здесь *сулица* явно обозначает наступательное оружие вообще, и по смыслу ее можно заменить копьем или мечом, но не ножом или стрелой. Второе упоминание, в котором говорится о капитуляции многих народов перед русскими князьями, вряд ли связано с метательным оружием: «...литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повергоша». Слово *повергоша*, означающее в данном контексте «бросили, отказавшись от противостояния» или, по меньшей мере, «преклонили», «опустили», по смыслу не может относиться к метательному оружию. В данном случае сулица является явным синонимом копьа. Для сравнения можно привести случай однозначной трактовки выражения «повергоша копьа», а именно летописные свидетельства о поражении татар в 1378 г.: «Татарове же в том часе повергоша копьа своя и побегоша за реку за Вождю»²¹.

Ключевым моментом Липицкой битвы 1216 г., перед которой конные новгородцы спешили, был пеший бросок: «...и поидоша пеши зане дебрь бе... и удариша на ярославлих пешцев с топорки и сулицы»²². На наш взгляд, вряд ли новгородские воины были вооружены только метательными копьями и топорами, *сулицы* в этом эпизоде нужно понимать шире, как копьа для рукопашной схватки, преимущественно «контактное» оружие.

Под 1444 г. Никоновская летопись сообщает о силах, выставленных под Рязанью против татарского царевича Мустафы: «и

приидоша на них мордва на ртах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями, а казаки рязаньския тако же на ртах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями з друга стороны... а пешая рать многа собрана на них с ослопы, и с топоры, и с рогатинами»²³. В этом эпизоде крайне сложно предположить, что пешие воины на лыжах (ртах) сражались саблями и рогатинами, используя при этом в качестве вспомогательного «расходного» оружия легкие копыя. Наверняка и здесь *сулицы* нужно понимать, как копыя для ближнего боя.

А вот описание битвы при Шелони 1471 г., в ходе которой московские конники «...кликнувша на новгородцев, стреляюще их, инии же с копыи и з сулицами скочиша на них по песку»²⁴. Из этого описания никак не следует, что сулицы имели иное тактическое применение, нежели копыя.

Разумеется, существуют и некоторые документы, из которых можно сделать вывод о сулицах, как о преимущественно металлических предметах древкового оружия. Первая Новгородская летопись так описывает штурм Константинополя крестоносцами в 1204 г.: «... и бияхут с высоких скал на град греческий варягы камением и стрелы, и сулицами»²⁵ (под скалами здесь имеются в виду осадные сооружения). В Ипатьевской летописи под 1251 г. повествуется о том, как поляки, на тот момент союзники русских князей, защищали свой «острог» от ночного нападения ятвягов: «Ляхом же крепко борующее и соуличами мечюще и головнями яко молнья идяху и каменье яко дождь с небеси»²⁶. В «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенной на древнерусский и известной в списках XV–XVI вв., наряду с пороками упоминаются «суличники», являющиеся метательными машинами для сулиц²⁷.

Однако большая часть письменных источников свидетельствует о том, что сулицей называли все-таки не вспомогательное, а основное копые ближнего боя, потеря которого была равносильна поражению. Обратим внимание на состояние оружия русского князя, брата Даниила Галицкого, в битве с венграми 1231 г.: «...и соулицы его кроваве соущи и оскепищю исеченоу от ударенья мечеваго»²⁸. Ясно, что речь здесь идет не о дротике, оружии одноразового применения. «Окровавленная сулица с исеченным мечами древком» – это копые, которым неоднократно поражали противника и на древко которого принимали удары.

В «Сказании о Казанском царстве» рассматриваемое оружие встречается дважды как вооружение русских ратников, штурмующих город; оба упоминания говорят о нем, как о полном аналоге «контактного» копыя: «И спрескотаху копия, и сулицы, и мечи в руках их и, яко гром силен»; «Русти же вои состизающи казанцов немилостиво мечи своими и секирами разсекаху, и копиями и сулицами прободаху сквозь, и резаху аки свиной нещадно»²⁹. Очевидно, что легким метательным копыем невозможно «проткнуть насквозь», не говоря об уместности использования дротиков осаждающими.

Бесценный материал для определения тех или иных типов оружия дают западнорусские словари XVI–XVII вв. В древнейшем из них, который датируется концом XVI в. (словарь был приплетен к Острожской библии первопечатника Ивана Федорова 1581 г.), сулица определена как «рогатина»³⁰.

Словарь «Лексикон словеноросский...» Памвы Берынды 1627 г. включает две интересные для нас статьи. «Сулица – з гротом дарда... ощеп, ощеписко, кончер»³¹. *Дарда* в этом определении – слово того же корня, что и современное международное дарт (dart³²); *ощеп* и *ощеписко* – скорее западнорусские или польские названия копыя (родственные русскому *скетище*). К сравнению *сулицы* с исключительно кавалерийским оружием кончаром мы еще вернемся, а сейчас приведем мнение, высказанное Юрием Крижаничем в трактате «Политика» (1663–1666), где он описал сулицу как «копье пешее, малое»³³.

В толковом западнорусском словаре конца XVII в., известном как «Синонима славеноросская», словарная статья *сулица* отсутствует, но слово *рогатина* раскрывается как «дреколь, сулица, ратище, луца»³⁴.

Крайне интересно описание вооружения ветхозаветного Голиафа в упоминавшейся Острожской библии 1581 г.: «И изыде муж силен... имя ему Голияд... и шлем медян на главе его... и число бронь его 5000 сикли меры меди и железа, и поножи медяны верху голению его, и щит медян на плещу его, и копие в руку его яко вода ищищено блещащися, и сулица его 6000 сикль меры железа в ней ...»³⁵. Истолковать этот отрывок можно только таким способом: упомянутая *сулица* являлась наконечником мощного контактного копыя. То же значение слова *сулица* можно найти в летописном описании битвы казаков Ермака Тимофее-

вича и татар, в котором боевой азарт сражающихся был метафорически уподоблен «копейным сулицам во утробах, и бьющаяся с обою стран крепко»³⁶.

Таким образом, в поиске значений древнерусского слова *сулица* мы пришли к тому же результату, что и археограф П.И. Савваитов и филолог И.И. Срезневский, которые считали, что это слово имело три основных значения: копьё вообще, резе – короткое метательное копьё, а также и наконечник копья³⁷. Крайне ценную находку сделал исследователь О.Ф. Одинцов, обратив внимание на упоминание сулицы в русской областной лексике начала XX в.: «Сулица – палка с железным наконечником в виде копья, употребляемая странниками для защиты, а мальчишками – для отталкивания при катании на коньках, лыжах, салазках»³⁸.

В «генеалогии» сулицы особого внимания заслуживает факт ее включения в царский Большой наряд – набор церемониального оружия русских царей, который в XVI–XVII вв. играл роль «воинских регалий»³⁹. Действительно, со времени царя Ивана Васильевича несколько предметов древкового оружия назначались рындам, царским оруженосцам и телохранителям. Так, например, в разряде похода «на изменников на казанских людей» 1572 г. упомянуты рынды «с копьём князь Тимофей Раманович Трубецкой, с сулицою Василей Тимофеев сын Плещеев, с рогатиною Богдан Яковлев сын Белской»⁴⁰. К сожалению, ни один предмет Большого наряда из числа древкового оружия до настоящего времени не был идентифицирован.

В описи царского оружия 1639 г. числилась «сулица молеванная Микитина дела Давыдова»⁴¹, а к 1647 г. сулиц было уже две: «2 сулицы, одна стальная мерекляная, наведены у нее грани золотом, а другая булатная без наводу»⁴². «Мерекляная»⁴³ сулица больше не упоминалась в документах, а вторая «булатная» упоминается и позднее. В 1654 г. «сулица булатная дерево черное немецкое круглое» была взята в знаменитый Смоленский поход, очевидно, в качестве церемониального вооружения рынд⁴⁴. В Переписной книге 1687 г. этому же оружию соответствовал такой текст: «Сулица булат глаткой; скепище дерево неметцкое черное, на конце трубки с яблоком серебряная, помято гораздо; травы резные вперевив, золочены, кисть золотая... цена ей дватцать рублев»⁴⁵. Ни одного древка из «немецкого черного дерева»

Рис. 1. Сулица

в Оружейной палате не сохранилось, однако, в ходе фондовой работы в собрании музея нами был обнаружен единственный наконечник, который мог подходить под вышеприведенное описание (рис. 1). Это очень небольшой наконечник (длиною 24,5 см, весом ок. 250 г) с узким пером⁴⁶ и трубкой, верхняя часть которой представляет собой резное изображение головы чудовища (змеи), из раскрытой пасти которой выходит перо. Орнамент в нижней части трубки сходен с известными нам работами Никиты Давыдова 1640-х гг., так что у нас есть основания считать, что данное оружие было изготовлено этим известнейшим русским оружейником и было включено в опись царской казны 1639 г. Определение «молеванная», приложенное к сулице в описи 1639 г., означало, что на то время оружие был расписано красками, но мы не можем уверенно судить о том, был ли расписан металлический наконечник или древко.

В Описи Оружейной палаты 1711 г. этот наконечник не значится (по крайней мере, под названием *сулица*), и мы можем предположить, что это связано с указом царя Петра Алексеевича, по которому из Оружейной казны в 1687 г. было выдано «10 копей железных, наведено золотом и серебром, в том числе 4 булатных 6 стальных без древок, у одного от трубки змеина голова (выделено мной. – А. Ч.), два копья с крюками»⁴⁷.

Тем не менее, идентификация этого наконечника с упомянутой в описях Оружейной палаты сулицей не вполне корректна. Дело в том, что на момент поисков мы исходили из того, что сулица обязательно должна быть копьем небольшого размера, в то время как вышеприведенные рассуждения показали, что сулицей вполне могли назвать даже наконечник тяжелого копья – рогатины. Наконеч, указанное небольшое копье (рис. 1) может оказаться навершием знамени; последние предметы в описях Оружейной палаты никогда четко не отделялись от наконечни-

ков древкового оружия. А в Росписи оружейной казны 1647 г. числились «4 древка тощие, писаны краски по золоту, на одном гротик стальной, трубка золочена резная зверина голова (выделено мной. – А. Ч.)»⁴⁸.

Суммируя известные нам данные о сулицах, выскажем предположение о специфическом признаке этого оружия, который все-таки мог отличать его от рогатин и копий. Это не легкий наконечник и не использование в виде метательного копья, отличным признаком сулицы могла быть длина древка. На эту мысль наталкивает как позднее сравнение сулицы с посохом странника и лыжной палкой (см. выше), так и попытка истолкования *сулицы* как кончара в словаре Памвы Берынды 1627 г. Последняя аналогия, которая ни в коей степени не означает сходство конструкции двух разных классов оружия – древкового и клинкового, показывает близость их тактического применения: и тем и другим оружием всадник наносил исключительно колющий удар с дистанции, превышающей возможность атаки саблей или палашом. Таким образом, название *сулица* в тех случаях, когда оно не было синонимом копья и не относилось к обозначению копейного наконечника, в действительности означало «малое копье», но без указания на тип наконечника и толщину древка.

Название *рогатина*, на первый взгляд, гораздо прозрачнее, чем *сулица*. Во-первых, благодаря уникальному предмету древнерусского вооружения, принадлежавшему тверскому князю XV в., с надписью, удостоверяющей «самоназвание» оружия: «Рогатина великого князя Бориса Олександровича»⁴⁹ (рис. 2).

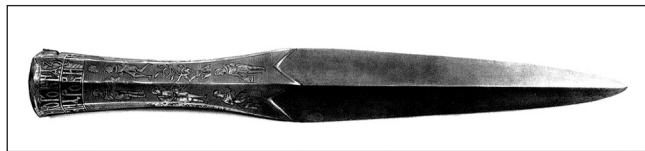

Рис. 2. Рогатина Бориса Олександровича

Во-вторых, в Оружейной палате сохранилось более десятка наконечников древкового оружия, которые согласно Переписной книге 1687 г. носили название рогатин. Можно быть уверенным в том, что именно эти материалы послужили основанием для определений рогатины, которые давали оружиеведы XIX в.:

«...оружие, подобное копью, но с широким, плоским и на обе стороны острым пером»⁵⁰. Это определение можно назвать базовым, другие оружейеды лишь незначительно уточняли его: «тяжелое копье с листовидным или ланцетовидным боевым наконечником»⁵¹.

Однако если мы на минуту представим, что нам неизвестны рогатины из Оружейной палаты и обратимся к письменным и изобразительным источникам, то представление о рогатинах у нас будет другим. Так, в букваре Кариона Истомина конца XVII в. приведено изображение рогатины (рис. 3)⁵², наконечник которой – ромбовидный с яблоком – ничем не отличается от тех наконечников древкового оружия, которые мы видим в древнерусских миниатюрах или на иконах, и которые оружейеды уверенно называют наконечниками копий.

Как снаряжение охотника рогатина фигурирует в описании охоты русского князя Даниила Галицкого в Ипатьевской летописи под 1255 г.: «Данило... едущу же ему до Грубешева и уби вепрев шесть, а сам же уби их рогатиною 3»⁵³. Но под 1256 г. в той же летописи рогатина (*рогатица*) выступает как метательное боевое оружие. В ходе сражения с ятвягами князь Лев Данилович «иземь рогтичу ис пояса своего, далече верг, срази князя ятвяжского с коня своего»⁵⁴. Рогатина как оружие с коротким древком упоминается в Новгородской летописи в описании покушения 1174 г. на князя Андрея Боголюбского, когда нападавшие «налегоша силою и выломиша двъри и влезлоша на нь, и ту и насунуша рогатинами, и ту сконьца живот свои»⁵⁵. Убийство произошло в боголюбовском дворце князя, тесные проходы которого исключают употребление копьа с длинным древком.

Никоновская летопись сообщает, что под 1377 г. на реке Пьяне московско-нижегородские полки были неожиданно атакованы татарами и потерпели сокрушительное поражение, вызванное беспечностью и воевод, и простых ратников, которые «люб-

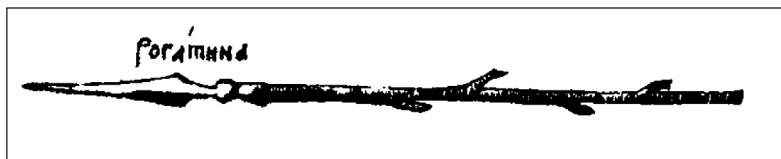

Рис. 3. Рогатина из букваря Истомина

ляху же пианство зело». Расхлябанность ратников выражалась в частности в том, что оружие и доспех транспортировались на телегах, а «рогатины и *сулицы* и копя не приготовлены, а ини еще и не насажены быша»⁵⁶. Анализ этого отрывка из Никоновской летописи не позволяет уловить специфику рогатины, можно лишь предположить, что все три названия – копя, рогатины и *сулицы* – отнесены к древковому кавалерийскому оружию.

Рогатины вместе с *сулицами* упоминались и как оружие всадников в летописи в 1375 г., и как вооружение пеших воинов на лыжах под 1444 г. (см. выше).

В XVI в. рогатины изредка служили вооружением дворянина в поместной коннице. Так, в десятнях 1577 г. по Коломне числился «Ивашко Ефимов сын Рагозин...быти ему на службе на коне, в пансыре, в шапке в железной, в саадаке, в сабле, с рогатиною»⁵⁷. Однако чаще рогатинами были вооружены боевые слуги: «Богдан Федоров сын Хохулин... на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, с копьем, да за ним человек на коне, в пансыре, в шапке в железной, в саадаке, в сабле, с рогатиной»⁵⁸. Последняя запись достаточно стандартна: помещик вооружен копьем, а его конный слуга (слуги) – рогатиной (еще чаще рогатинами были вооружены обозные слуги). Аналогичной была ситуация и в Литовском княжестве, например, в войсковом реестре 1565 г. по Новгородскому повету значился «молодец на кони з рогатиною без панцера»⁵⁹. Тем не менее, не ясно, насколько сходным было оружие, называвшееся рогатиной в Литве и Московском царстве. Приведем мнение современного исследователя, согласно которому западнорусская рогатина могла быть прообразом поздней кавалерийской пики: «... литовские татары сумели пронести и сохранить искусство применения своей рогатины или «джида» до XVIII в., распространив его в Польше и Саксонии, а затем и по всей Европе в качестве уланского способа боя»⁶⁰.

Известия о вооружении всадников поместной конницы и слуг показывают, что статус копя был несколько выше, чем статус рогатины. Та же закономерность прослеживается при перечислении царского оружия Большого наряда, в котором копьё следовало, как правило, первым. Тем не менее, мы не знаем ни одного русского церемониального копя, а рогатин с высоким церемониальным статусом нам известно, по крайней мере, две – тверского князя Бориса Александровича и боярина Бориса Фе-

доровича Годунова: «Рогатина... московская, наведена золотом; на тулье подпись... имя Бориса Федоровича»⁶¹. О рогатине как о ранговом оружии сообщает и Русско-английский словарь 1618–1619 гг.: «Ragatine, a kinde of weapon like an irish darte, which Vaivods use (whith *ragatines* the *camusnicks* kill bares and other beasts)»⁶².

Итак, письменные (и изобразительные) источники представляют рогатину с самых разных сторон и не позволяют выявить ее существенных отличий от других видов древкового оружия. Охотничьи функции рогатин не подвергаются сомнению, но каким именно было это оружие – мы не знаем. Следовательно, традиционное мнение о том, что рогатина являлась разновидностью копыя с четкими отличительными признаками нужно подвергнуть пересмотру.

Приведем подборку цитат из росписей 1678 г. «замосковных» городов, подведомственных Разрядному приказу. Древковое оружие, служившее вооружением служилых и посадских людей в Переславле-Залесском составляло «65 бердышей, 49 копей, 3 топорка, 9 рогатин», в Ростове – «440 бердышей, 227 рогатин... 2 топорка», в Ярославле «1980 копей и бердышей», в Костроме «557 бердышей, 62 копыя, 458 топорков» в Галиче, «472 бердыша... 18 топорков, 252 копыя... 14 рогатин», в Угличе «с копыи и с рогатины 75 человек, с топорки 214 человек, с бердыши 120 человек», в Вологде «393 бердыша, 454 копыя, 164 рогатины, 269 топорков»⁶³. Сопоставление эти цитат выявляет труднообъяснимый факт: из двух близлежащих городов в Ростове не было ни одного копыя (при наличии 227 рогатин), а в Ярославле не нашлось ни одной рогатины (но в роспись попало 1980 копий, описанных вместе с бердышами). При этом, во всех перечисленных городах набор древкового оружия разных типов не мог существенно варьироваться. На наш взгляд, единственным объяснением этого факта может быть отсутствие четких критериев при причислении древкового оружия к рогатинам или копыям. Составители росписи 1678 г. в Ростове полагали, что родовым понятием является рогатина, и не будет ошибкой приписать к рогатинам копыя, в Ярославле поступили ровно наоборот, а в Угличе рогатины и копыя описали скопом. Последние цитаты показывают, что в указанное время *рогатина* и *копые* могли выступать как полные синонимы.

Приведем также упоминания интересующего нас оружия в источниках, которые нечасто привлекаются оружейоведами. Например, летописное описание эпидемии чумы в Рязани в 1364 г.: «Болезнь же бе сица: преже яко рогатиною ударит за лопатку или под груди или меж крил, и тако разболевся человек начнет кровью харкати... и тако умираху»⁶⁴. Здесь рогатина выступает как метафорическое обозначение симптома смертельной болезни и, очевидно, обозначает смертоносное древковое оружие без уточнения его конструктивных и функциональных особенностей. Сходным образом нужно понимать включение рогатины в текст заговора «от вражеского оружия» второй половины XVII в.: «... огради мя, раба твоего... от пицальных и самопальных ядр... и от всякого меча и от сабли, и от булату, и от всякой рогатины, и от ножа, и от топора, и от дробу»⁶⁵. В этой молитве клинковое оружие детализируется (и классифицируется), а древковое – нет, понятно, что под *рогатинной*, здесь понимается «копье вообще».

Тем не менее, несмотря на все вышеприведенные выводы, полученные на основании письменных источников, предметы из собрания Оружейной палаты позволяют получить представление о том, какие именно предметы могли носить название *рогатина*.

Известнейший рисунок из «Исторического описания...» А.В. Висковатова⁶⁶ (рис. 4) достаточно точно представляет реальные рогатины из собрания Оружейной палаты (рис. 5), разумеется, за исключением мифологической совни. При этом крайне важно, что каждый из изображенных наконечников древкового оружия прочитывается по описям Оружейной палаты вплоть до 1687 г., в которой все они носят название рогатин⁶⁷.

Таким образом, определение рогатины, данное А.В. Висковатовым, получает серьезное подтверждение – название *рогатина* в действительности прилагалось к копыю с широкой боевой частью ромбического сечения и с двумя режущими лезвиями. Но при этом, заметим, у нас нет оснований считать, что только такие наконечники именовались рогатинами, и что только такая форма служила отличительным признаком этого оружия.

Из числа изображенных на рисунке в «Историческом описании...» (рис. 4) третья слева рогатина⁶⁸, описанная в Переписной книге первой как «рогатина булатная, прорезная, яблочко наведено золотом, под яблочком долики, по тулее путики золочены,

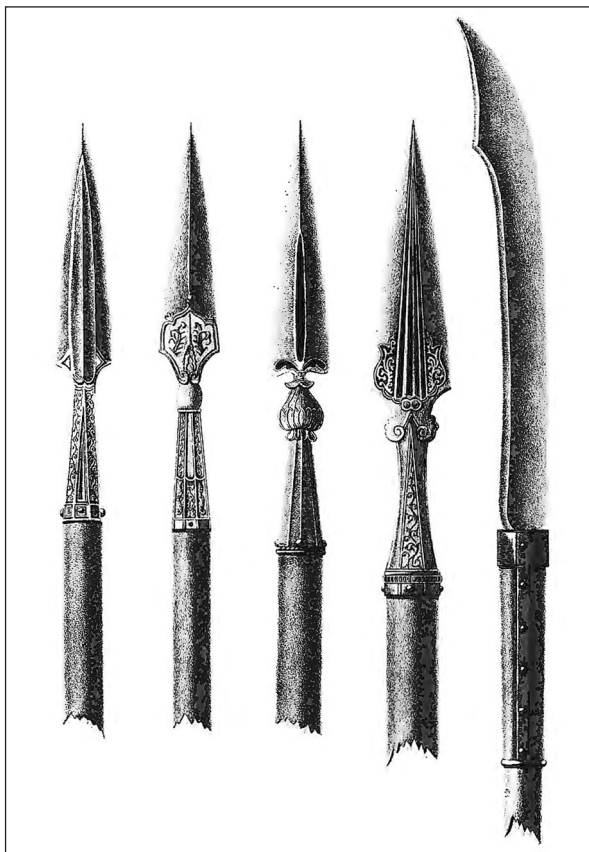

Рис. 4. Лист из «Исторического описания...» А.В. Висковатова

искепище кость белая чешуйчатая, на искепище яблочко с трубою, три сучка серебряные золочены, ушки шиты волоченым золотом и серебром по алому гзу; кляп серебряной, вооруда тесма шолк зеленой с золотом» – может быть датирована серединой – третьей четвертью XVII в.⁶⁹ Ее положение в описи под первым номером позволяет предположить, что она могла использоваться как царское церемониальное оружие самого высокого статуса – как рогатина Большого наряда.

Наконечник, который изображен у А.В. Висковатова вторым, нам удалось датировать еще более точно. Эта рогатина и анало-

Рис. 5. Рогатины из Оружейной палаты

гичная ей по форме и декору в Переписной книге значились так: «Две рогатины стальные польское дело, тулеи отерты на грани, наведены золотом и серебром травки, промеж граней коротенькие долики золочены гладью, яблоки посеребрены, повыше яблоков на рогатинах на обе стороны понемногу наведено золотом и серебром»⁷⁰. В документах Оружейной палаты единственный раз упоминается об одновременном изготовлении двух рогатин. В начале апреля 1657 г., выходцам из города Могилева Роману Серасекову «с товарищи» были выданы деньги и было «веле-но делать пернат, две рогатины»⁷¹. Манера насечки золотом и серебром на обеих рогатинах действительно сходна с известными работами мастера Серасекова⁷², что позволяет заключить, что единственная пара рогатин из Переписной книги «польское дело» тождественна паре рогатин, которые Роман Серасеков декорировал в 1657 г. Отметим, что до последнего времени ни одна из показанных на рисунках рогатин, как вообще ни одна средневековая рогатина из музеев России, не имела точной датировки.

Последняя и самая крупная на изображении (рис. 5) рогатина весом чуть более килограмма, длиной 40,6 см и с шириной пера 5,5 см по этим параметрам может быть сближена с медвежьими рогатинами, однако, она является в первую очередь парадным оружием. Помимо резьбы, насечки и инкрустации золотом, согласно Переписной книге 1687 г., эта рогатина была украшена четырьмя красными камнями-смазнями⁷³.

Завершая тему рогатин, приведем названия двух специальных деталей, встречающихся в документах преимущественно на оружии с этим названием. Это *жеребиш* и *кляпыши* (*кляпы*). Так, в описи оружия Бориса Годунова 1588 г. после рогатин и копий было отмечено «14 жеребьев костяных»⁷⁴. В описи имущества новгородского воеводы Михаила Татищева 1608 г. имелась «рогатина з долы навожена золотом, кляпыш серебрян золочен, на деревцо натираны кости»⁷⁵. В числе воинского снаряжения, взятого царем Алексеем Михайловичем в Рижский поход 1656 г. было «18 жеребьев костяных к рогатинам»⁷⁶. Согласно Переписной книге в Оружейной палате в 1687 г. хранилось «Два кляпышка костяных рыбьих к рогатинам»⁷⁷. Серебряный *кляп* был отмечен на первой по описи 1687 г. рогатине, описание которой цитировалось выше.

Кляпыш, согласно И.И. Срезневскому, – «костылек, употреблявшийся вместо пуговицы и запоны на вороту, прорехах, полах царских кафтанов»⁷⁸. Приведенные данные позволяют заключить, что название *кляпыш* в отношении рогатины применялось к отъемной детали рогатины – ограничителю-крестовине, крепившемуся на древке под наконечником при помощи кожного ремешка. Приведенные выше цитаты позволяют считать, что *жеребий* представлял собою синонимическое название того же ограничителя. Вопрос о том, можно ли считать рогатины с кляпышами исключительно охотничьим оружием, требует отдельного рассмотрения, как и этимология названия этого оружия, и исследование такой характеристики древка рогатины как наличие «сучков».

Самое многозначное название древкового оружия – *копые*. С нашей точки зрения, дать рабочее определение копыю невозможно, неслучайно А.В. Висковатов лишь перечислил разные его характеристики и детали: «копыя из булата, стали и железа, плоские, трех- или четырехгранные...»⁷⁹. В связи с этим вызывает не-

доумение одно из последних определений этого термина. Если буквально следовать дефиниции копья как «древкового оружия с длинным (4–5 метров) древком и стальным наконечником с граненым копьцом»⁸⁰, то приходится признать, что, например, в Музеях Московского Кремля копий нет вообще, так как ни один наконечник не сохранил исторического древка указанной длины, а сведения об исходной длине древков у копейных наконечников отсутствуют.

Древнерусское название *копье* применительно к древковому оружию известно, по крайней мере, с XI в.⁸¹, но, разумеется, существовало и ранее, в дописьменную эпоху. Для верного понимания исторической глубины лексемы *копье* приведем другое слово из современного русского языка, восходящее к тому же корню – *щеп*. И *копье*, и *щеп* происходят от слова *копать*, которое имело целый веер значений, помимо очевидного еще и «бить», «клевать», «пинать»⁸². К слову *копать* восходят и западнославянские названия копья – польское *ozszer* и чешское *oštěr*, *ощеп*⁸³ (более, чем *копье*, созвучные русскому *щеп*). Интересно, что одно из древнерусских названий древка *скепище* могло исходно служить наименованием копья в целом. Совершенно забытое русское слово *луца* («копье») также ассоциативно связано со словом *щеп*.

С нашей точки зрения, *копье* в XVII в. и ранее служило наиболее универсальным названием для всех видов боевого древкового оружия: кавалерийского и пехотного (в том числе пикинерского), метательного или контактного вне зависимости от ширины пера и длины древка. Название *копье*, кроме того, относилось и к цельному оружию на древке, и к наконечнику, и к его боевой части – перу или копьцу⁸⁴. Копьями в XVII в. назывались, возможно, джиды, а также наконечники стрел: «Да сверх прежних переписных книг в Оружейной палате объявилось шесть стрел колмыцких з двойными копы, седьмая об одном широком копье»⁸⁵. Другие русские и восточнославянские названия копья – сулица, луца, волочня, ощеп – в конечном итоге не смогли стать общеупотребительным и родовым названием этого вооружения. Приведем еще один далекий от оружейведения пример, показывающий широкие вариации формы копья. Это церковнославянское слово *копие*, применявшееся для наименования части литургического набора и символически обозначающее копье, которым

был поражен на кресте Спаситель. Традиционно наконечник копия имеет широкое перо треугольной формы⁸⁶.

Из числа многочисленных летописных упоминаний копия процитируем фрагмент, повествующий о битве под Киевом в 1152 г. «Андреи нача рядити полк отца своего, зане бе старей тогда в братьи... и отуду ехав полк свои укрепив и дружину свою возма и копия еха наперед и съехася преже всех и изломи копье свое, тогда же бодоша конь под ним в ноздри»⁸⁷. В этом отрывке мы видим, что начало битвы знаменует первый копейный удар, который наносит князь Андрей Боголюбский; княжеское копье переламывается, а конь получает ранение.

В Музеях Кремля в настоящий момент сохранилось лишь восемь предметов (рис. 6), которые к началу XIX столетия носили название копий. К сожалению, точно определить, какие из них хранились в царской казне в XVII в., а какие поступили в позднее время, затруднительно⁸⁸. Но все они получили название *копье* не позднее XVIII в. В число этих копий входил и небольшой наконечник, который мы выше сопоставляли с сулицей. Заметно отличающийся от прочих наконечник с широким пером (на рис. 6 показан последним) А.В. Висковатов ошибочно причислил к рогатинам⁸⁹, хранитель Оружейной палаты Л.П. Яковлев неоправданно назвал совнею⁹⁰, а блестящий эрудит О.В. Двуреченский назвал его «крупным копьем»⁹¹. В действительности, в Переписной книге 1687 г. этот наконечник значится как «копье стальное широкое, наведено золотом местами, тулея осмогранное, повыше тулеи яблочко, повыше яблочка к копыю наведено золотом; цена два рубли»⁹². Если бы не это копье с широким пером в 4,8 см. (большим, чем у большинства рогатин из собрания музея), можно было бы сделать ошибочный вывод о том, что копиями в XVII в. называли исключительно наконечники с шиповидным или жаловидным копьцом. Тем не менее, подборка копий на изображении (рис. 6) позволяет сделать некоторые выводы о существовании таких признаков древкового оружия, которые позволяли использовать именно название *копье* (но вряд ли *рогатина*). Все эти образцы при разной форме объединяют такие качества: они были рассчитаны исключительно на колющий удар, насаживались на относительно тонкое древко (судя по диаметру трубки), крепление трубки к дереву гвоздями иногда вообще не было предусмотрено. Очевидно также, что, в отличие от

Рис. 6. Копья в музее

рогатин с вышеприведенного рисунка, ни одно из копий не могло противостоять поперечным нагрузкам. Скорее всего, это наконечники тех самых кавалерийских копий, которые были предназначены для первого таранного удара и снабжались достаточно длинными древками. Генетически они восходят к древнерусским жаловидным копьям X–XII вв., выявленным А.Н. Кирпичниковым⁹³.

К этому же выводу можно было прийти и на основании изображения из труда А.В. Висковатова, в котором было приведено сходное с нашим изображение группы копий (рис. 7)⁹⁴, моделья-

ми для которых, как и в случае с рогатинами, послужили образцы из собрания Оружейной палаты. Но этот рисунок не включал вышеуказанное копье с широким пером, зато к копьям было ошибочно причислено медное знаменное навершие копьевидной формы (на рис. 7 третье слева)⁹⁵.

Таким образом, у нас есть основания считать, что наименование *копье* было свойственно для кавалерийского древкового оружия с наконечником характерной вытянутой формы, который был рассчитан исключительно на колющий, глубоко проникающий удар. Похоже, что эти наконечники не предполагали извлечения из раны. В таком случае, всадник после нанесения удара либо бросал копье, либо древко переламывалось.

Здесь будет уместно вспомнить о термине «древко тощее», применявшемся к ратовищам копий и в XVI, и в XVII вв. Для XVII в. тощий обозначало «полый», «порожний»⁹⁶. Единственный предмет древкового (ударного) оружия, который сохранился в современном собрании, в описании которого использовалось определение *тощий* – иранская цельнометаллическая булава XVII в.: «...булава булатная глава з долами... цевья ж тоще». В данном контексте, *цевье* – это черен, «древко» булавы, который является металлической трубкой. Следовательно, мы можем полагать, что *тощие древки* кавалерийских копий представляли собой также трубчатые конструкции или содержали внутреннюю полость. Возможно, что и

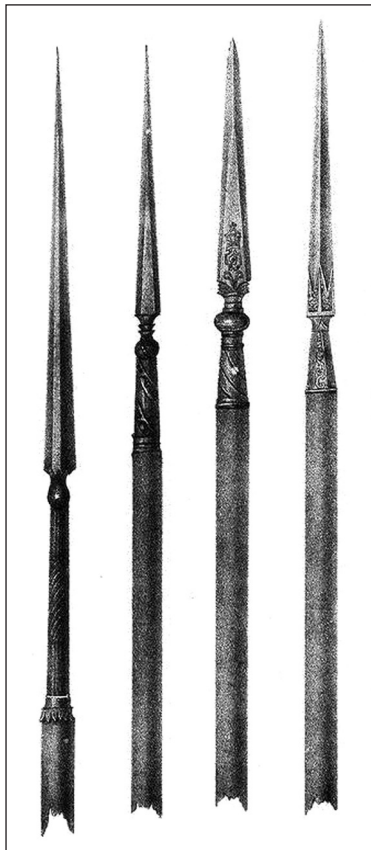

Рис. 7. Рисунок из книги
А.В. Висковатова

встречающиеся в документах *древки тростяные* были синонимичны тощим древкам. Такие древки, с одной стороны, облегчали вес оружия в целом, с другой стороны, это же древко могло служить своеобразным предохранителем в том случае, если удар копьём оказывался слишком сильным и грозил выбросить из седла хозяина копья: в таком случае древко ломалось. На первый взгляд, этой гипотезе противоречит существование *тощих древков* у двух немецких рогатин, отмеченных в описи имущества боярина Бориса Годунова⁹⁷. Но мы не можем знать наверняка, какое именно оружие в этой описи было названо немецкой рогатиной, возможно, это было то же кавалерийское копьё.

Другой интересный термин, сопровождающий копьё в XVII столетии – *каптурцы* или *каптуры*. Так, в Переписной книге 1687 г. было упомянуто «восемнадцать копей на древках, около копей каптары тафта жаркой, бохрама около каптуров шолк желтой, лопасти тофтяные белые»⁹⁸, а также «пятьдесят каптурцов копейных тафтяных алых, лопасти тафтяные белые, бахрама шолк соломенной цвет»⁹⁹. *Лопасты* у копий – это, скорее всего, ленты, крепившиеся на древке непосредственно под трубкой и служившие украшениями оружия¹⁰⁰. Сложнее истолковать название *каптур*. Каптуром могла называться также и металлическая деталь холодного оружия – навершие сабельной рукояти¹⁰¹ (его можно было бы назвать «колпачком»). Каптуром или каптурой в древнерусском языке именовалась теплая шапка «типа камилавки»¹⁰². Однако вряд ли можно предположить, что *каптуром* могла называться парадная «шапочка» для копья. Скорее, речь шла о матерчатом с бахромою украшении древка под наконечником, подобном кисти на протазанах¹⁰³.

Попробуем прокомментировать названия, прилагавшиеся к самим копьям: относительно часто встречаемое в документах *копье черкасское*¹⁰⁴, реже – *копье калмыцкое*¹⁰⁵ и *копье кумыцкое*¹⁰⁶. С нашей точки зрения, все эти наконечники имели примерно ту же форму, что и большинство «трехгранных» копий, хранившихся в Оружейной палате в XVII – начале XIX вв., а отличались друг от друга и «копий московского дела» какими-либо деталями декора или иными характеристиками, не столь важными для классификации и типологизации оружия.

Известно, что к Пасхе 1668 г. для царя Алексея Михайловича были изготовлены «2 копьё железныя кумыцские, деланы в

Ствольном приказе; деревье черное, яблока деревянные золочены, руковедь покрыта тафтою алою; у копьа бахрама золото с серебром; деревье перевито галуном золото с серебром»¹⁰⁷. Это описание весьма сходно с описанием копьа, открывающего статью «Копья черкасские и московское дело» в Переписной книге 1687 г.: «Копье троугранное с перьем, под перьем яблочко золочено, тулея осмигранная золочена и серебряна через грань... под тулеею бахрама золотая с серебром; древко с яблоком золочено, дерево черное... по древку бахрама золото с серебром, на древке перевито галуном в пяти местех и повыше яблока оклеено тафтою алою»¹⁰⁸. По крайней мере, других копий на древках «с яблоком» в этой описи не имеется. Это последнее копье было идентифицировано в музейном собрании хранителем Л.П. Яковлевым (рис. 8)¹⁰⁹. Таким образом, мы можем обоснованно считать, что в музее хранится копье с высоким церемониальным статусом, изготовленное для царя Алексея Михайловича в 1668 г. и именовавшееся «копье кумыцкое». Объяснение этого названия требует отдельного исследования, мы можем лишь предположить, что оно связано с наличием прорезного орнамента на лопастях копьеца. Древо на этом копье, к сожалению, не сохранилось полностью, его нижняя часть утрачена, золочения на «яблоке» нет, а золотая кисть под яблоком, возможно, была в какой-то момент заимствована с одного из парадных протазанов, также хранившихся в Оружейной палате. Тем не менее, это ратовище, похоже, является единственным историческим древком от копий (и рогатин) Оружейной палаты.

Особняком от вынесенных в заголовок статьи названий древкового оружия стоят *пики* и *списы* (*шписы*, *писы*). В Музеях Кремля предметов с такими названиями нет¹¹⁰, а в документах Оружейной палаты XVII в. это оружие встречается редко. С одной стороны, ясно, что пики и списы – это синонимические на-

Рис. 8. Копье кумыцкое

звания длинных пехотных копий, которые появились в России лишь в начале XVII в.¹¹¹ Полностью аналогичные по словообразованию *полуписсы* и *полупики* подтверждают, что оба названия прилагались к одному типу оружия. С другой стороны, крайне непросто объяснить одновременное наличие этих двух наименований. Но имеется и третье весьма часто употребляемое название оружия пикинеров *долгое копьё* или даже просто *копьё*. Устав 1647 г. «Учение и хитрость ратного строения...» содержал рекомендацию: «окову на пиках бытии с конца полосам железным... пяти пядей длиною... а копейца по пальцу шириною, и теми лучшими почитаю. А по моей мысли и четверогранные против конных добры»¹¹². Однако в этом уставе наименование *пика* встречается крайне редко, а само вооружение пикинеров, как правило, носит название *копьё*. Взаимоотношения *пик*, *спис* и *долгих копий* далеко не всегда понятны из контекста документов. Например, в недатированной описи Оружейной палаты среди боевого оружия мы находим «17540 спис русского дела без дерев, 1000 спис немецких з дровки, 440 лат рейтарских с шишаки, 414 нагрудников, 100 копей длинных на дровках, и в том числе 10 копей золоченых»¹¹³. Еще труднее прокомментировать список оружия из арсеналов Киева 1677 г.: «450 полупик, 257 спис долгих... 120 полупичных железцов, 55 железцов спис»¹¹⁴. Подобное употребление названий сбивает с толку и пробуждает ложное представление о том, что в росписях числились четко различающиеся типы оружия.

С нашей точки зрения, ситуация с двойным наименованием оружия вполне естественна, тем более, что название *пика* было заимствовано из французского при посредстве немецкого языка¹¹⁵, а слово *списа* славянского происхождения¹¹⁶. Интересно, что в «Уставе ратных, пушечных и других дел...» 1607 г. *шпицы* упомянуты, судя по всему, ранее, чем они впервые появились в России в качестве реально действующего оружия. Так, в этом уставе рекомендовалось устройство оружейной комнаты, содержащей «сабли, палаши... мечи, тесаки, торги, рогатины, копьа и шпицы»¹¹⁷. *Торги* в этой цитате – скорее всего, результат неверного прочтения в источнике слова *торчи*. Как убедительно показал С.П. Орленко, название *торчи* на рубеже XVI–XVII вв. могло прилагаться к кончарам¹¹⁸. Эта последняя деталь, на первый взгляд, говорит о том, что перечисление оружия в уставе 1607 г.

построено по мере возрастания общей длины оружия: мечи – кончары – рогатины – копьа – пики. Однако последнее рассуждение натывается на множественность значений слова *торч*. Известно, что в 1611 г. в Ярославле для ополчения «пешим на долгие торчи сделаны две тысячи копей железных... потому, что преж сего в полках от того конным была защита»¹¹⁹. Таким образом, пикинерское оружие в России начала XVII в. могло носить еще одно название – *торч*. Здесь мы сталкиваемся с уникальным случаем, когда одно и то же название *торч* прилагалось к различным классам оружия – клинковому («кончар») и древковому («длинное пехотное копье»).

Перед тем как сформулировать основные выводы нашей работы, приведем две общеметодические посылки, из которых неявно исходили практически все оружейеды. Первая из них такова: различные исторические названия оружия должны соответствовать разным типам предметов. Вторая: разные типы исторического оружия должны были различаться посредством присвоения им разных наименований. Выше мы привели несколько примеров, которые показывают ошибочность первой посылки. Вторая посылка также неверна, но доказать это сложнее, хотя бы потому, что у нас нет точного определения понятия «тип исторического оружия». В качестве примера приведем «типологию рогатин», разработанную О.В. Двуреченским. Три из четырех рогатины из собрания Музеев Московского Кремля (рис. 5) этот оружейед определил как «наконечники рогатин индивидуальных форм»¹²⁰, то есть как не укладывающиеся в его типологию. Тем самым он вывел за рамки своей работы как раз то оружие, которое носит обоснованное историческое название рогатина, в отличие от прочих опубликованных им образцов, для которых мы таких названий не знаем.

Итак, упоминания в письменных источниках *копий*, *рогатин*, *сулиц* за редким исключением не позволяют определить тип оружия, скрывающийся за этими названиями. В большинстве случаев письменные памятники не включают достаточного для определения разновидности оружия контекста, кроме того, далеко не всегда можно оценить степень конкретности того или иного названия. Оружие в летописях и еще в большей степени в литературных произведениях вряд ли стоит оценивать, как имеющее набор четких «тактико-технических» или «конструктивно-мор-

фологических» характеристик. Напротив, для упоминаний оружия в этих источниках свойственна утрата конкретности, образность и поэтизация.

Аналогичным образом, для большинства предметов древкового оружия, хранящегося в музеях России, мы не можем уверенно указать исторические наименования, соответствующие времени их активного использования. Единственный музей, в котором древковое оружие может получить исторические названия – Оружейная палата. Памятники из этого музея помогают выявить некоторые тенденции, имевшие место при выборе наименований этого оружия и, возможно, некоторые типы оружия.

Так, название *рогатина* могло прилагаться к наконечникам с широким дулезвийным пером. Для всех рогатин из Оружейной палаты была характерна мощная трубка с двумя-тремя отверстиями для крепления к древку и одним крупным прямоугольным отверстием, скорее всего, для кожаного ремешка, посредством которого к оружию привешивался ограничитель. К сожалению, ни один из ограничителей рогатин, *кляпшыей* или *жребиев*, не сохранился. Еще одним признаком рогатины (охотничьей и парадной) могло быть древко с характерными «сучками» – упорами.

Из многочисленных разновидностей оружия, носивших название «копье», собрание Музеев Кремля позволяет выделить тип кавалерийского оружия, для которого *копье* будет и родовым, и видовым названием. Это наконечник вытянутой формы, жаловидную боевую часть которого трудно именовать *пером*, так как эта деталь, как правило, трех- и четырехгранная. Наверняка копья этого типа существовали и в XVI в., снабжались длинными, относительно тонкими древками и служили для таранного удара при сшибке всадников.

Отсутствие в музее исторических древков XVII в. не позволяет подтвердить наше предположение о том, что одним из признаков, по которому различались *сулицы*, рогатины и копья, могла служить длина древка.

И еще раз заострим внимание на том, что все перечисленные нами признаки представляют собой не четкие классификационные критерии, а лишь некоторые из условий, которые делали более вероятным получение предметом того или иного исторического названия. Все перечисленные нами выше названия – вари-

ативны. В корне неверным будет утверждение о том, что конкретный предмет древкового вооружения XVII в., хранящийся сегодня, например, в музее, на время своего появления и активного использования имел некое однозначное «правильное» название.

¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, *сулицы*, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л., 1966. С. 23; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 21.

² Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 5, 23–25.

³ Там же. С. 15, 16.

⁴ Макс Фасмер считал, что одно из наиболее ранних употреблений слова *тика* встречается у Григория Котошихина. См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 2003. С. 260. Более раннее упоминание пик содержится в переведенном с немецкого в 1647 г. пехотном уставе Вальхаузена, в описи царского оружия 1647 г. См. Роспись государевой оружейной казны 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Л. 42.

⁵ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. СПб., 1841. С. 66. Это же определение почти дословно приведено в Путеводителе по Оружейной палате 1911 г. См. Арсеньев Ю.В., Трутовский В.К. Оружейная палата. Путеводитель. М., 1911. С. 138.

⁶ Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII века) Диссертация на соискание уч. ст. канд. историч. наук. СПб., 2008. С. 14.

⁷ Одинцов Г.Ф. К истории древнерусских названий метательного копыя (луца и его варианты; сулица, совь, копийце) // Этимология. 1976. М., 1978. С. 109.

⁸ Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 128–129.

⁹ См. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5558, 5563, 5613–5615; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884. № 4193. В настоящий момент в инвентарных книгах музея термин *совня* применяется (с нашей точки зрения, неоправданно) даже к боевым частям рогатин.

¹⁰ В XIX в. зафиксировано слово *совня* со значением «корзинка, лукошко, из которого сеют хлеб». См. Словарь русских народных говоров. Вып. 39. СПб., 2005. С. 190.

¹¹ Известно, что русское древковое оружие, наконечник которого имеет вид одностороннего несимметричного клинка, могло называться *пальмой*, и, в отличие от *совни*, для *пальмы* можно привести доказательства того, что в XVII в. это название соотносилось с оружием именно такой формы. О пальмах см. Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служивых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 110–111.

¹² Висковатов А.В. Историческое описание одежды... С. 65.

¹³ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 222.

- ¹⁴ Там же. С. 232. Сноска 1.
- ¹⁵ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. I. СПб., 1877. С. 179.
- ¹⁶ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 59.
- ¹⁷ Арсеньев Ю.В., Трутовский В.К. Оружейная палата... С. 131. В этом же издании *джид* был истолкован как «влагалище с гнездами для сулиц».
- ¹⁸ Городцов В.А. Холодное оружие императорского Российского исторического музея. Копья и пика. Рогатина. Навершие знамени. М., 1913. С. 2.
- ¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь... С. 801; Одинцов Г.Ф. К истории древнерусских названий... С. 106.
- ²⁰ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 87.
- ²¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 127; Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25. С. 199.
- ²² Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 74.
- ²³ Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1907. С. 62
- ²⁴ Типографская летопись. ПСРЛ. Т. 24. С. 190.
- ²⁵ Новгородская первая летопись. ПСРЛ. Т. 3. М., 1950. С. 244.
- ²⁶ Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. 1908. С. 810.
- ²⁷ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Р–Я. Т. III. СПб., 1912. С. 617.
- ²⁸ История о Казанском царстве. ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Kaz_let/text9.phtml?id=612.
- ²⁹ Сказание о Казанском царстве. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Kaz_let/text9.phtml?id=612 (на 20.02.2016).
- ³⁰ Лексис с толкованием словенских мов просто. С предисловием архим. Амфилохия // ЧОИДР. 1884. Кн. II. С. 15.
- ³¹ Лексикон словенороский Памви Беринди. Підг. тексту і вступ. ст. В.В. Німчука. Київ, 1964. С. 125.
- ³² Согласно английскому этимологическому словарю, слово *dart* происходит «from Old French *dart* “throwing spear, arrow”, from Proto-Germanic **darothuz* cognates: Old English *darod*, Old High German *tart*, Old Norse *darraþr* “dart”). Italian and Spanish *dardo* are said to be from Germanic by way of Old Provençal». http://www.etymonline.com/index.php?term=dart&allowed_in_frame=0
- ³³ См. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси... С. 21.
- ³⁴ Житецкий П. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Ч. I. Киев, 1889. Словарь книжной малорусской речи по рукописям XVII в. С. 75.
- ³⁵ Острозька Біблія. Опрацював та приготував до друку ермн. архимандрит др. Рафайл (Роман Торконяк). Львів, 2006. С. 438. (Библія. 1 Царств. 17. 4-7).
- ³⁶ Сибирские летописи. Погодинский Летописец. ПСРЛ. Т. 36. С. 131.
- ³⁷ Савваитов П. Описание старинных русских утварей... С. 140; Срезневский И.И. Материалы для словаря... С. 616–617.
- ³⁸ Одинцов Г.Ф. К истории древнерусских названий метательного копья... С. 110; Словарь русских народных говоров. Вып. 42. СПб., 2008. С. 222.
- ³⁹ Левькин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М, 1997. С. 65.
- ⁴⁰ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М., 1975. С. 203.

- ⁴¹ Роспись оружейной казны царя Михаила Федоровича 1639 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2948. Л. 10.
- ⁴² Роспись государственной оружейной казны 1647 г. Там же. Л. 17
- ⁴³ Ни один сохранившийся предмет оружия, к которому в XVII в. прилагалось определение *мерекляный*, не позволяет понять значение этого слова. Скорее всего, мерекляными называли предметы, подвергнутые какому-либо виду воронения.
- ⁴⁴ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске. 1654. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Л. 2.
- ⁴⁵ Переписная книга 1687. Л. 210.
- ⁴⁶ Перо надломлено в средней части в позднейшее время.
- ⁴⁷ Цитируется по книге: Городцов В.А. Холодное оружие императорского Российского исторического музея. Копья и пика. Рогатина. Навершие знамени. М., 1913. С. 3. В то же время, в числе выданных из Оружейной палаты могло оказаться второе хранившееся в ней копые со «змеиной» головой на трубке.
- ⁴⁸ Роспись государственной оружейной казны 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Л. 43.
- ⁴⁹ Краткий обзор работ, посвященных рогатине князя Бориса Александровича, был сделан И.А. Комаровым. См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. № 58.
- ⁵⁰ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... С. 66.
- ⁵¹ Левыкин А.К. Воинские церемонии... С. 65–66.
- ⁵² Карион Истомина. Букварь. М., 1694. Лист «Р».
- ⁵³ Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. С. 830.
- ⁵⁴ Там же. С. 833.
- ⁵⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 34.
- ⁵⁶ Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 27.
- ⁵⁷ Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М. 1891. С. 14.
- ⁵⁸ Там же. С. 11.
- ⁵⁹ РИБ. Т. 33. СПб., 1915. С. 409.
- ⁶⁰ Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Вып. II. С. 230. http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3
- ⁶¹ Опись казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 2. С. 151.
- ⁶² «Рогатина – вид оружия, подобный ирландскому дарту, который используют воеводы (рогатинами промысловики забивают медведей и других зверей)» (См. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619. Л., 1959. С. 87–88).
- ⁶³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 9. СПб., 1895. № 106. С. 222–227.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949. С. 182.
- ⁶⁵ Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. Составитель Топорков А.Л. М., 2010. С. 354.

- ⁶⁶ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... Табл. 67.
- ⁶⁷ Переписная книга 1687 г. Л. 203, № 8; Л. 204 об., № 14; Л. 200 об.–201, № 1; Л. 203 об.–204, № 11.
- ⁶⁸ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-888.
- ⁶⁹ См.: Чубинский А.Н. Сабельные клинки и древковое оружие «с жемчужинами» в собрании Музеев Московского Кремля // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» 22–23 октября 2015 г. Тула, 2016. (В печати).
- ⁷⁰ Переписная книга 1687 г. Л. 204 об.–205, № 14.
- ⁷¹ Расходная книга денежной казне Оружейного приказа на окладное и неокладное жалование мастерам и на покупку для их работ разных материалов и припасов нынешняго 1656–1657 гг. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 87.
- ⁷² Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1984. С. 191.
- ⁷³ Переписная книга 1687 г. Л. 203 об.–204, № 11.
- ⁷⁴ Опись казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 2. Л. 152.
- ⁷⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 8. 1850. С. 11.
- ⁷⁶ Роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича, которая была в походе под Ригой 1656-1657. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5835. Л. 38.
- ⁷⁷ Переписная книга 1687 г. Л. 544 об.
- ⁷⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1890. С. 1235.
- ⁷⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... С. 65.
- ⁸⁰ Кулинский А.Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. СПб., 2007. С. 21.
- ⁸¹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1. Статья «Копье». С. 427.
- ⁸² Там же. Статья «Копать». С. 426–427.
- ⁸³ Там же. Статья «Копье». С. 427–428.
- ⁸⁴ Эта омонимия существует и в современном языке и доставляет массу неудобств при музейном документировании вещей: копьям на древке и без древка при инвентаризации присваиваются одинаковое название.
- ⁸⁵ Переписная книга 1687 г. Л. 180 об.
- ⁸⁶ При современной типологизации такой наконечник, несомненно, отнесли бы к рогатинам.
- ⁸⁷ ПСРЛ. Т. 1. Л. 1926–1928. С. 230.
- ⁸⁸ Автор надеется восполнить этот пробел в ходе работы над каталогом собрания Музеев Московского Кремля «Древковое и ударное оружие XV–XVIII вв.».
- ⁸⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... Табл. 66. Второй слева наконечник.
- ⁹⁰ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5644.
- ⁹¹ Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение... С. 83. Сноска 34.
- ⁹² Переписная книга 1687 г. Л. 200, № 12.
- ⁹³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 7, 15. Тип V.

- ⁹⁴ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... Табл. 65.
- ⁹⁵ По нелепой случайности в музейной документации этот медный наконечник (Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-2046) и другой аналогичный первому до сих пор носят название копий.
- ⁹⁶ Лексикон словеноросский Памви Беринди... С. 133.
- ⁹⁷ Савваитов П. Описание старинных русских утварей... С. 32.
- ⁹⁸ Переписная книга 1687 г. Л. 200 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 699 об.
- ¹⁰⁰ Лопастями назывались в том числе атласные завязки к парадным шлемам Оружейной палаты. См.: Переписная книга 1687 г. Л. 464 об., № 8; Л. 479 об. № 13.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 29, 53 об., 58 об.
- ¹⁰² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1890. С. 1194.
- ¹⁰³ В Музее Армии в Стокгольме среди трофеев, взятых под Салатами в 1703 г., хранится несколько тканевых предметов с названиями «чехлы» (Например, Tjechoh Inv. AM. 083587, AM. 083625; См. <http://digitaltmuseum.se/search?query=saladen%201703>), которые сходны с вышеприведенной реконструкцией. С нашей точки зрения, эти же предметы в России могли носить название каптуров с лопастями. Выражаю благодарность М.Ю. Романову, обратившему внимание автора на эти изображения.
- ¹⁰⁴ См., например: Роспись оружейной казны царя Михаила Федоровича 1639 г. Л. 9; Роспись государственной оружейной казны 1647 г. Л. 16; Переписная книга 1687 г. Л. 200, № 10.
- ¹⁰⁵ См.: Роспись оружию, которое делано в Оружейном приказе в поднос царю Алексею Михайловичу к празднику Светлой Недели 1663 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 13.
- ¹⁰⁶ Роспись государевым оружейным делам, которые на праздник недели Святой Пасхи были великому государю в подносе. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11708. Л. 5.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Переписная книга 1687 г. Л. 197, № 1.
- ¹⁰⁹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5648.
- ¹¹⁰ Пикинерские пики, похожие, сохранились в музейном собрании знамен и в настоящий момент инвентаризированы как знаменные древки с металлическими навершиями.
- ¹¹¹ См., например: Курбатов О.А. Наемный корпус Делгарди на службе царя Василия Шуйского: Опыт внедрения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // Цейхауз. 2002. № 19. С. 4–6.
- ¹¹² Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 г. СПб., 1904. С. 108.
- ¹¹³ Роспись разной сбруи царя Алексея Михайловича. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 37372. Л. 4.
- ¹¹⁴ Росписной список города Киева 1677 года // ЧОИДР. 1884. Кн. 2. / Подг. Е. В. Барсов. С. 13, 15.
- ¹¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь... С. 260.
- ¹¹⁶ Там же. С. 735. Статья «Спица».
- ¹¹⁷ Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки... СПб., 1777. С. 6–7.

¹¹⁸ Орленко С.П. Тарч из собрания Оружейной палаты. История и легенда // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 года. Ч. III. СПб., 2013. С. 385–386.

¹¹⁹ ААЭ. Т. II. № 188. II. С. 322.

¹²⁰ Двуреченский О.В. Указ. соч. С. 493, рис. 59/2; С. 494, рис. 60/1; С. 495, рис. 61/2.